

В. И. Трысячный, В. А. Молодых

**КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДОВ ДИАГНОСТИРОВАНИЯ
ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ:
ОГРАНИЧЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ**

Аннотация

В настоящее время отсутствует унифицированное определение теневой экономики, что препятствует разработке методологии ее количественной оценки. Цель статьи заключается в проведении компаративного анализа методов оценки неформальной деятельности для различных областей экономических исследований и поиске альтернативных моделей, которые должны учитывать релевантность конкретных целей и задач изучения проявлений теневой экономической активности. Результаты исследования показали, что следует отказаться от унифицированного понятия теневой экономики и вместо этого определить отдельные ее составляющие, каждая из которых имеет отношение к конкретной экономической проблеме. В таком случае их границы будут определяться целями и перспективами предметных областей исследования.

Ключевые слова

Уклонение от уплаты налогов, теневая экономика, монетарные методы, неформальная активность, поведенческая экономика.

V. I. Trysyachniy, V. A. Molodykh

**COMPARATIVE ANALYSIS OF METHODS
FOR DIAGNOSING SHADOW ECONOMIC ACTIVITY:
LIMITATIONS AND PROSPECTS FOR OVERCOMING THEM**

Annotation

Currently, there is no unified definition of shadow economy, which hinders the development of methodology for its quantitative assessment. Purpose of article is to conduct a comparative analysis of methods for evaluating informal activities for various fields of economic research and to search for alternative models that should take into account the relevance of specific goals and objectives of studying the manifestations of shadow economic activity. Results of study showed that it is necessary to abandon the unified concept of shadow economy and instead identify its individual components, each of which is relevant to a specific economic problem. In this case, their boundaries will be determined by the goals and prospects of subject areas of research.

Keywords

Tax evasion, shadow economy, monetary methods, informal activity, behavioral economics.

Введение

В настоящее время большая часть споров о теневой экономике сосредоточена на различных оценках ее масштабов и темпов роста. Критики монетарных методов оспаривают допущения, использованные в процедурах оценки валют, и

указывают, что некоторые из результатов, приводившихся в качестве эмпирического детерминирования размеров теневой экономики, допускали альтернативные интерпретации [3]. Метод транзакций, который, как было признано, позволил избежать многих концептуальных

недостатков косвенных методов, также не может быть полностью реализован из-за отсутствия достоверных данных. Методы опроса, которые используют для решения данной проблемы, вызывают критику из-за предвзятости при отборе респондентов и сомнительной достоверности полученных ответов. Эффективность аудиторских процедур также подвергается сомнению, особенно в отношении выявления незарегистрированных доходов, когда бремя доказывания лежит на аудиторе, а не на налогоплательщике.

Продолжающиеся дискуссии отражают растущее осознание методологических трудностей, связанных с множеством попыток измерить экономическую активность в теневом секторе экономики. Также стало очевидно, что используемые эмпирические процедуры на самом деле измеряли разные компоненты неформальной деятельности, следовательно, полученные результаты нельзя сравнивать напрямую [3]. Это связано с тем, что теневая экономика означает совершенно разные трактовки для экономистов, изучающих трудовые отношения, налогообложение, криминологов, финансовых экспертов, макроэкономистов и специалистов по учету национального дохода. Следует учитывать, что природа неформальной деятельности в рыночно ориентированных системах сильно отличается от таковой в системах с централизованным планированием, а также зависит от уровня социально-экономического развития страны [9].

В результате невозможно предложить унифицированное определение теневой экономики, которое сможет служить разнообразным целям исследователей, и, как следствие, разработать методологию и методики количественной оценки масштабов теневого сектора экономики. Таким образом, цель статьи заключается в проведении компаративного анализа методов оценки неформальной деятельности для различных областей экономических исследований и поиске альтернативных моделей, которые должны учитывать релевантность конкретных

целей и задач изучения проявлений теневой экономической активности.

Материалы и методы

Основной экономический подход, используемый для преодоления разрыва между теорией и наблюдением, базируется на том, что «если факты не соответствуют теории, проверьте факты» [7]. Однако очевидно, что факты экономической жизни стали систематически искажаться в результате роста влияния «ненаблюдаемого», или «теневого», сектора хозяйственной деятельности.

Гипотеза теневого дохода представляет собой попытку переоценить достоверность экономических фактов, генерируемых официальными государственными учреждениями, которые собирают и публикуют ключевые экономические показатели. Однако эти информационные сигналы в значительной степени опираются на налоговые данные, поэтому рост несоблюдения налогового законодательства может привести к искажениям в информационной системе, которая, в свою очередь, генерирует наши наблюдения за динамикой экономической деятельности.

Многоаспектность теневой экономики привела к возникновению «терминологического хаоса», в качестве синонимов применяют: подпольный, теневой, неформальный, скрытый, параллельный, черный, второй, ненаблюдаемый домашний сектор и т. д. Данные термины используются для описания различных аспектов ненаблюдаемого сектора экономики, но они не тождественны, так как представляют собой сочетание многих различных видов деятельности, релевантность которых для исследования частично зависит от поставленных целей и задач исследований. Это привело к появлению множества альтернативных методов измерения теневой экономики и, как следствие, к широкому диапазону оценок ее масштабов. Такие очевидные несоответствия указывают не только на сложность попытки оценить данный феномен, но и, что более важно, на тот факт, что используемые методики оценки несоизмеримы,

поскольку они являются результатами разных концептуальных подходов. В настоящее время требуется уделить особое внимание разработке концептуальных различий понятия теневого дохода и согласованию разноплановых эмпирических показателей. Для этого необходимо разработать таксономическую структуру, которая будет дифференцировать различные аспекты теневой экономической активности и обеспечит эмпирические связи между теоретическими конструкциями и их реализацией на практике.

Результаты

Эмпирические оценки масштабов теневой экономической деятельности одним из первых произвел П. Гутманн в 1977 г., который применил процедуру Кагана для расчетов и получил оценку в 175 млрд долл. в качестве размера теневой экономики США в 1976 г., что составляло на тот момент примерно 10 % валового национального продукта (ВНП) [6]. Последующие расчеты, основанные на модифицированном методе соотношения валют и разработанном в 1980 г. методе транзакций, дали ряд временных оценок, предполагающих, что «нерегулярная», или «ненаблюдаемая», экономика резко выросла с конца 1960-х гг. и что ее размер был значительно больше, чем это считалось ранее [6]. Монетарная статистика показала, что доля валюты выросла по отношению к депозитам до востребования, несмотря на широко распространенные прогнозы появления «безналичного общества». По результатам этих исследований была выдвинута гипотеза о том, что увеличение налогового бремени, дорогостоящее государственное регулирование и несправедливость налоговой системы привели к повсеместному росту масштабов уклонения от уплаты налогов. Традиционно считалось, что основной формой уклонения является занижение декларируемого налогооблагаемого дохода [10]. Однако основанные на аудите оценки незарегистрированного дохода и связанных с ним потерь налоговых поступлений показали, что важную роль в

сокращении доходов бюджетной системы играет неформальная экономическая активность, т. е. когда имеет место незаконная предпринимательская деятельность.

Значение и измерение масштабов теневой экономики, производимых трудом, капиталом и имуществом, невозможно оценить только в рамках макроэкономического учета, так как это приводит к росту погрешности фактического измерения [5]. Если определить зарегистрированный доход как компонент общего экономического дохода, то можно увидеть, что «общий незарегистрированный доход» будет включать:

- доход, полученный в результате запрещенной экономической деятельности, т. е. признанной незаконной и преследуемой по уголовному законодательству;
- доход, полученный от нерыночной (бартерной) легальной деятельности;
- доход, полученный от легальной рыночной деятельности в денежной форме, который по разным причинам не включается в официальную статистику [2].

Интерес к денежному ненаблюдаемому сектору изначально был обусловлен наличием очевидных аномалий, связанных с количеством денег в обращении и структурой денежной массы. Хотя экономисты предсказывали, что появление кредитных карт и других финансовых новшеств в конечном итоге приведет к «безналичному обществу», валютные запасы на душу населения скорее росли, чем сокращались [4]. Более 40 % стоимости национальной валюты США хранилось в виде 100-долларовых банкнот. Отношение валюты к депозитам до востребования также показало значительный рост за последние два десятилетия и продолжает увеличиваться [6].

Одним из самых популярных методов оценки денежной ненаблюдаемой экономики является простой метод соотношения валют, который использует следующие ограничительные допущения [1]:

- валюта является исключительным средством обмена в незарегистрированных транзакциях;

– отношение валюты к депозитам до востребования остается постоянным, за исключением изменений, вызванных ростом незарегистрированного дохода;

– сумма неучтенного дохода, сгенерированного в незарегистрированном секторе, равна сумме заявленного дохода, полученной в соответствующей валюте.

Обсуждение

Альтернативный подход к оценке объема ненаблюдаемых денежных операций и общего денежного неучтенного дохода основан на использовании «метода транзакций» и уравнивании обмена Фишера, которое определяет равенство между общим объемом платежей и общим объемом транзакций [8]. В принципе, если бы можно было получить независимые оценки данных показателей, то разница между ними представляла бы собой оценку общего объема незарегистрированных операций. Идентификация платежей и транзакций по уравниванию Фишера может использоваться для проверки зарегистрированного объема транзакций так же, как кейнсианское тождество доходов и расходов в настоящее время используется во многих странах в качестве базовой проверки текущих оценок финансовых транзакций.

Метод транзакций для оценки неучтенных доходов отличается от подходов, основанных на соотношении валют, по двум важным аспектам. Во-первых, они базируются на изменениях в относительном запасе валюты, чтобы сигнализировать о сдвигах в теневом секторе экономики. Во-вторых, транзакционный подход фокусируется на общем объеме платежей, который не регистрируется в официальных текущих системах учета.

Неявным в подходе соотношения валют выступает представление о том, что запас обращающейся валюты и запас остатков по депозитам до востребования являются объективной оценкой объема «работы», которую выполняют деньги при обмене. Однако данный объем зависит не только от запасов в обращении, но и от того, сколько раз в год эти запасы

используются для осуществления платежей, т. е. от скорости обращения денег. Поэтому вместо того чтобы предполагать постоянную скорость транзакций для денежных средств обмена, транзакционный подход стремится напрямую включить переменные скорости в анализ.

Транзакционный подход также позволяет избежать большинства других ограничений, присущих монетарным методам:

– не требуется дополнительных предположений относительно исключительного использования валюты при совершении незарегистрированных сделок;

– не требуется допущений, которые фиксируют отношение количества валюты к использованию чеков в зарегистрированных или неучтенных сделках;

– не требуется никаких предположений относительно скорости обращения денег и получения доходов в легальном и теневом секторах экономики.

Таким образом, транзакционный подход предполагает нахождение критического пропорционального отношения или разрыва между общим объемом транзакций и совокупным доходом. Данное предположение использовалось в денежной теории на протяжении десятилетий и позволяет заменить транзакции доходом в качестве интегральной переменной в функциях спроса на деньги.

В последнее время большую популярность получили исследования по уклонению от уплаты налогов в рамках поведенческой и экспериментальной экономики [11]. Несмотря на множество ограничений, используемые междисциплинарные подходы позволяют изыскать новые эмпирические данные, которые активно используются.

Преимущества и недостатки использования парадигмы поведенческой и экспериментальной экономики при изучении процессов теневой экономики можно рассмотреть на примере такого крупномасштабного проекта, как World Value Survey (WVS, Всемирное исследование жизненных ценностей населения).

Данный проект представляет собой сбор ответов в разрезе стран на ряд вопросов следующего характера: «Пожалуйста, для каждого из следующих утверждений отметьте, считаете ли вы, что данное действие всегда можно оправдать, или оно никогда не может быть оправданным». Оценка варьируется от «1 – никогда не оправдано» до «10 – всегда оправдано». Для изучения процессов уклонения от уплаты налогов и теневой экономической активности используют ответы на вопрос: «Считаете ли вы, что уклонение от уплаты налогов, если у вас есть такая возможность, всегда можно оправдать». В результате получается довольно однозначная и точная оценка налоговой морали и готовности налогоплательщиков уйти при возможности в теневой сектор экономики [12].

Однако в данном подходе существует один важный недостаток, связанный

с предвзятостью респондентов, дающих социально значимые ответы. В качестве иллюстрации на рисунке 1 представлена зависимость оценки масштабов теневой экономики в разрезе стран мира, полученных Ф. Шнайдером на основе метода МІМІС от доли респондентов, максимально негативно относящихся к уклонению от уплаты налогов. Как видно, зависимость отсутствует, что связано с результатами анкетирования WVS. Например, максимальная доля (около 89 %) респондентов, считающих, что уклонение от уплаты налогов никогда не оправдано [12], зафиксирована в Зимбабве, а также ряде других азиатских и африканских стран. При этом в таких странах, как Швейцария или Норвегия, где по общепризнанным оценкам наблюдается минимальный уровень теневого сектора экономики, доля таких респондентов гораздо выше.

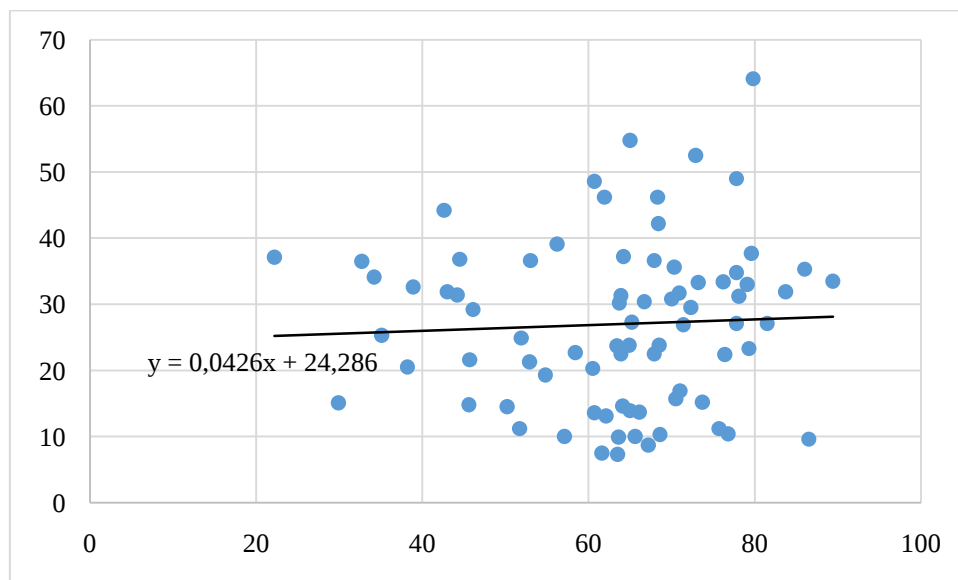

Рисунок 1 – Зависимость оценки масштабов теневой экономики в разрезе стран мира (метод МІМІС) от доли респондентов, максимально негативно относящихся к уклонению от уплаты налогов, %

Таким образом, полученные оценки масштабов теневого сектора экономики на основе макроэкономических косвенных методов (монетарного и метода транзакций), а также поведенческой и экспериментальной экономики, не следует сравнивать друг с другом, так как ле-

жащие в их основе концепции несопоставимы.

Тем не менее разработка общих подходов при изучении процессов уклонения от уплаты налогов как проявления теневой экономики имеет важное практическое значение.

Выводы

Анализ альтернативных подходов измерения масштабов теневой экономики выявил широкий диапазон используемых методов и моделей. Существующие несоответствия в оценках указывают не только на сложность оценки данного феномена, который по своей экономической природе является «ненаблюдаемым», но и, что более важно, на тот факт, что различные подходы дают несоизмеримые оценки, поскольку они являются результатом разных концептуальных подходов.

Разнообразие видов деятельности, которые разные исследователи считали ключевыми в неформальной активности, предполагает, что лучше всего отказаться от понятия единой теневой экономики и вместо этого определить перечень ее составляющих, каждая из которых имеет отношение к конкретной экономической проблеме. В этом случае их границы будут определяться целями и перспективами предметных областей исследования. Цели данной дифференциации заключаются в следующем:

- разрабатывать определения для различных сфер теневой экономики, имеющих практическую значимость;
- выбирать подходящую номенклатуру для их описания;
- разрабатывать, оценивать и внедрять альтернативные методы измерения масштабов и динамики неформальной активности;
- определять актуальность результатов и возможность их использования для других актуальных экономических проблем.

Моделирование масштабов теневого сектора экономики показало наличие «растущей пропасти между миром теории и миром наблюдений» в экономических исследованиях. Современная макроэкономическая теория неоднократно менялась, чтобы включить эффекты «со стороны предложения» и «рационального ожидания» для объяснения некоторых из наблюдаемых аномалий в экономической системе. Ценовые шоки на рынках

энергоносителей несли бремя объяснения одновременного возникновения рецессии и всплеска масштабов теневой экономики, в то время как теория динамического ожидания пыталась объяснить данную динамику неспособностью государства восстановить стабильное равновесие экономики. Несмотря на эти теоретические новшества, последовательных и эмпирически обоснованных оценок причин увеличения темпов роста неформальной активности получено не было.

Библиографический список

1. *Аброскин, А. С.* Отраслевые аспекты измерения и анализа теневой деятельности в российской экономике // Социальная политика и социология. – 2018. – Т.17, № 4. – С. 24-39.
2. *Барсукова, С. Ю.* Методы оценки теневой экономики: критический анализ // Вопросы статистики. – 2003. – № 5. – С. 14-24.
3. *Бокун, Н. В. Кулибаба, И. И.* Проблемы статистической оценки теневой экономики // Вопросы статистики. – 1997. – № 7. – С. 11-19.
4. *Головнин, С. Д.* О классификации явлений теневой экономики // Вестник МГУ. Сер. 6. Экономика. – 1992. – № 1. – С. 40-46.
5. *Масакова, И. Д.* Определение параметров теневой экономики // Вопросы статистики. – 1999. – № 12. – С. 22-27.
6. *Alm, J.* Measuring, explaining, and controlling tax evasion: Lessons from theory, experiments, and field studies // International Tax Public Finance. – 2012. – Vol. 19 (1). – P. 54-77.
7. *Autio, E., Fu, K.* Economic and political institutions and entry into formal and informal entrepreneurship // Asia Pacific Journal of Management. – 2015. – Vol. 32 (1). – P. 67-94.
8. *Beręsewicz, M., Nikulin, D.* Estimation of the size of informal employment based on administrative records with non-ignorable selection mechanism // Journal of Royal Statistical Society Series. – 2021. – Vol. 70 (3). – P. 667-690.

9. *Dell'Anno, R.* Theories and definitions of informal economy: A survey // *Journal of Economic Surveys*. – 2022. – Vol. 36 (5). – P. 1610-1643.

10. What influence do IRS audits have on taxpayer attitudes and perceptions? Evidence from a national survey / B. Erard, M. Kasper, E. Kirchler, J. Olsen // *National Taxpayer Advocate Annual Report to Congress* 2018. – 2019. – P. 77-130.

11. Information processing in tax decisions: Mouselab WEB study on deterrence model of income tax evasion / C. Kogler, J. Olsen, M. Muller // *Journal of Behavioural Decision Making*. – 2022. – Vol. 35 (4). – P. 72-85.

12. Shadow economy and tax evasion in EU / F. Schneider, K. Raczkowski, B. Mroz // *Journal of Money Laundering Control*. – 2015. – Vol. 18 (1). – P. 34-51.

Bibliographic list

1. *Abroskin, A. S.* Sectoral aspects of measurement and analysis of shadow activity in Russian economy // *Social policy and sociology*. – 2018. – Vol. 17, № 4. – P. 24-39

2. *Barsukova, S. Yu.* Methods of assessing the shadow economy: a critical analysis // *Questions of statistics*. – 2003. – № 5. – P. 14-24.

3. *Bokun, N. V., Kulibaba, I. I.* Problems of statistical assessment of the shadow economy // *Statistical issues*. – 1997. – № 7. – P. 11-19.

4. *Golovnin, S. D.* On classification of phenomena of shadow economy // *Bulletin of Moscow State University. Ser. 6. Economics*. – 1992. – № 1. – P. 40-46.

5. *Masakova, I. D.* Definition of the parameters of the shadow economy // *Statistical issues*. – 1999. – № 12. – P. 22-27.

6. *Alm, J.* Measuring, explaining, and controlling tax evasion: Lessons from theory, experiments, and field studies // *International Tax Public Finance*. – 2012. – Vol. 19 (1). – P. 54-77.

7. *Autio, E., Fu, K.* Economic and political institutions and entry into formal and informal entrepreneurship // *Asia Pacific Journal of Management*. – 2015. – Vol. 32 (1). – P. 67-94.

8. *Beręsewicz, M., Nikulin, D.* Estimation of the size of informal employment based on administrative records with non-ignorable selection mechanism // *Journal of Royal Statistical Society Series*. – 2021. – Vol. 70 (3). – P. 667-690.

9. *Dell'Anno, R.* Theories and definitions of informal economy: A survey // *Journal of Economic Surveys*. – 2022. – Vol. 36 (5). – P. 1610-1643.

10. What influence do IRS audits have on taxpayer attitudes and perceptions? Evidence from a national survey / B. Erard, M. Kasper, E. Kirchler, J. Olsen // *National Taxpayer Advocate Annual Report to Congress* 2018. – 2019. – P. 77-130.

11. Information processing in tax decisions: Mouselab WEB study on deterrence model of income tax evasion / C. Kogler, J. Olsen, M. Muller // *Journal of Behavioural Decision Making*. – 2022. – Vol. 35 (4). – P. 72-85.

12. Shadow economy and tax evasion in EU / F. Schneider, K. Raczkowski, B. Mroz // *Journal of Money Laundering Control*. – 2015. – Vol. 18 (1). – P. 34-51.